

Север

В Н О М Е Р Е:

1 1970

Я Н В А Р Ъ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР,
СОЮЗОВ
ПИСАТЕЛЕЙ
КАРЕЛЬСКОЙ
И
КОМИ
АССР,
АРХАНГЕЛЬСКОГО
И
ВОЛОГОДСКОГО
ОТДЕЛЕНИЙ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

Стр.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Валентин УСТИНОВ — Большак, стихи	3
Илья ШТЕМЛЕР — Уйти, чтобы остаться, роман	5
Микуль ШУЛЬГИН — Орнаменты времени: «Хан- тыйские орнаменты красивы...»; Оленьи гонки; Благодарность, — стихотворения. (Перевод с хантый- ского)	61
Евгений НОСОВ — Течет речка... рассказ	62
Владимир СЕМЕНОВ — Три стихотворения: «Прос- ти нас, конница...»; «Шла первая минута горя...»; «Белы снега, белы снега...»	77
Пааво РИНТАЛА — Ленинградская симфония судьбы, фрагменты из книги. (Перевод с финского)	78
ИСКУССТВО	
В. КУБЛИЦКИЙ — Послушный камень	96
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕМЫ	
В. СТЕПАНОВ — «Длина» реализации	103

(См. на обороте)

ж 35213

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабуринского

КОРОТКО О РАЗНОМ

Евг. БОГДАНОВ — Вечный огонь над
Двиной; В. КОЗЛОВ, А. КУРИ-
ЛОВ — Лениниана актера;
Станислав ЛОРЕНЦ — Прекрас-
ный край 109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. КАРХУ —
Когда «авангардисты» оглядыва-
ются назад 112

А.л. МИХАЙЛОВ —
Ломоносовская упряжка 123

НА ВКЛЕЙКАХ

Из новых работ скульптора Влади-
слава МАМЧЕНКО

На второй стр. обложки фотоэтюда
С. БАРКОВА «Январское утро» 97

Карельское книжное издательство
(Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1)

Техн. редактор В. Н. Куринная
Корректор Л. П. Болотова

Рукописи объемом меньше авторского
листа не возвращаются

Сдано в набор 12/XI 1969 г. Подписано к
печати 8/I 1970 г. Бумага 70×108¹/₁₆, № 2
8,0 печ. л.+0,5 п. л. вклейки, 11,2 усл.
печ. л. 13,9 уч.-изд. л. Изд. № 209. Ти-
раж 19000 экз. Е — 00002. Заказ 5351.
Цена 50 коп.

Типография им. Анохина Управления по
печати при Совете Министров КАССР
Петрозаводск, ул. „Правды“ 4

Ал. МИХАЙЛОВ

ЛОМОНОСОВСКАЯ УПРЯМКА

(Об Александре Яшине и его стихах)

НАСКОЛЬКО ЛЕГКО были написаны Александром Яшиным первые страницы и «главы» поэтической «книги жизни», настолько же трудно и мучительно писалась ее «заключительная глава».

Верно и то, что многие большие художники познают истинную цену искусства уже в зрелом возрасте, не однажды испытав сладость побед и горечь поражений. Даже молодой, несокрушимый, умевший сжимать в кулак свою волю Маяковский предчувствовал «амортизацию сердца и души». И все же путь Александра Яшина к постижению нравственной сущности и значения искусства, с учетом неизбежных, типичных возрастных прозрений, был весьма драматичным, он отразил и драматические повороты личной судьбы, и противоречия общественного развития. Иначе откуда же такая — на грани отчаяния — острота, такая обнаженная нравственная тирания по отношению к самому себе:

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

(«Последняя глава», 1967)

А отсюда уже можно представить, какая нужна была воля, чтобы выдержать испытание на прочность, не сложить пера, произнести здравницу в честь будущего. Потому так трудно расставался с жизнью Александр Яшин. Это было на наших глазах, на глазах его друзей и товарищей, родных и близких. Тяжелый недуг свалил поэта на больничную койку, с которой он уже не поднялся. Александр Яковлевич не жаловался на физическую боль, он превозмогал ее, как солдат, как мужчина. Но, не говоря о близкой смерти, а все-таки уже сознавая ее неизбежность, он горько сожалел о ненаписанных книгах, невоплощенных замыслах.

— Годок бы еще, хотя бы один только годок, — говорил он глуховато, уже с усилем. — Прозу надо написать. Много задумано.

Наброски есть. Да и стихи тоже просятся...

Обостренное чувство ответственности за творческое поведение, я помню, поразило нас в письме, присланном в редколлегия «Дня поэзии — 1968» вместо ответа на анкету о народности поэзии, о ее национальных и классических традициях. Письмо было датировано 24 апреля, за два с половиной месяца до смерти (скончался А. Я. Яшин 11 июля 1968 года), читал его на заседании редколлегии Евгений Храмов, читал в напряженной тишине, сильно волнуясь.

«Трудно представить себе что-либо более печальное, — писал Яшин из больницы своим товарищам, — чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга к разного рода утехам, к «клубному шмыганью» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью».

Уже тогда строки эти воспринимались как завещание. Личная окрашенность их была несомненна. Вряд ли кому придет в голову упрекать Яшина в отсутствии трудолюбия, но такое обостренное недовольство собой могло возникнуть только в предощущении смертного часа.

Человеческая и писательская судьба Александра Яшина была нелегкой, но крутые повороты ее не надломили характера этого человека, не поколебали его веры в добро и справедливость. Некоторые считали Яшина колючим, неуживчивым человеком. Он и в самом деле своей прямоотой, жесткостью суждений отпугивал людей бесхарактерных. Но вместе с этим умел высоко ценить дружбу, умел радоваться успехам товарищей, бескорыстно помогал многим из них. Увы, не все платили ему тем же.

РОДИЛСЯ Александр Яковлевич Яшин в 1913 году в деревне Блудново, Никольского района, на Вологодчине. Там

и прошло его сиротское деревенское детство — без отца, погибшего в первую мировую войну, в постоянной нужде, в заботах о куске хлеба для семьи, в каждодневном, несмотря на малолетство, тяжелом крестьянском труде.

Но самому поэту вспоминалось больше другое — то, с чем связано узнавание мира, открытие прекрасного, рождение песни. «Вероятно, — писал впоследствии Александр Яшин, — для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волокна, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое».

А кроме того, русский Север — заповедник устной народной поэзии, край былин и сказок, хороводных, ритуальных и исторических песен, залихватских частушек и припевок. И нет ничего удивительного, что юный Александр Яшин находится под обаянием фольклора, что первые свои стихи и даже поэмы он слагает в духе знакомых образов народного словотворчества. Не только первые ученические, но и те, которые потом включались почти во все итоговые сборники, «Вологда», например:

Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу
ко Вологде,

Где хотел царь Грозный
править-володеть,

По постоям не ходи, а правь по
площади

По базарной, где в продаже скот
и лошади,

Где воза с ржаной соломой и с сенном
стоят.

Где водой стоялой бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы

Попад речкой Золотухой прямо
хворосту,

По сосновому, еловому, по шаткому
по мосту.

Со своим конем соловым, со лошадкою...

Следы былинной традиции в этих стихах слишком очевидны, чтобы вести дополнительные генеалогические изыскания. Можно на выбор взять почти любое из ранних стихотворений Александра Яшина и обнаружить в нем влияние устно-поэтической традиции — иногда несколько внешнее, в духе модных тогда стилизаций, иногда органичное, идущее от непосредственного восприятия жизни.

Писать Александр Яшин начал рано, в отроческом возрасте, в 1928—1929 годах уже печатался в районных газетах и журнале

«Колхозник». Литературная судьба его в эти годы складывалась удивительно легко. В 19 лет молодой сельский учитель Александр Яшин стал председателем созданного в Вологде оргкомитета Союза советских писателей. Через некоторое время он переезжает в Архангельск, в Северное отделение Союза писателей. Там в 1934 году и вышла первая его книжка «Песни северу». В том же году Александр Яшин участвует в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей и избирается членом Правления вновь созданного Союза.

От такого стремительного продвижения у молодого литератора могла закружиться голова, но Александр Яшин трезво, крестьянски рассудил, что главное для него теперь — учеба. Он переезжает в Москву и поступает учиться в Литературный институт, ведя одновременно газетную, журналистскую работу. О серьезном, требовательном, критическом отношении к себе говорит и тот факт, что в течение трех лет жизни в Москве Александр Яшин вообще не публиковал своих стихов. Первые московские издания относятся к 1938 («Северянка») и 1940 («Мать») годам.

Довоенная лирика Александра Яшина редко выходит за пределы типичной для тридцатых годов деревенской тематики. Лучшие его стихи пронизаны радостным ощущением жизни, молодости, красоты, в них играет и поет самоцветное русское слово, красное слово, как иногда еще и поныне говорят на Севере, в них слышатся ритмы игровых песен. И уже тогда проявляется характерная яшинская ритмическая угловатость, к которой надо привыкнуть, чтобы почувствовать тяжеловатое, но уверенное движение мысли в стихе.

Было бы неверно представлять этот период творчества Александра Яшина сплошь идиллическим, не осложненным малейшими противоречиями. Понятно, что преобладающим, главным был мотив энтузиастического воспевания жизни, но в его стихах изредка появляются и драматические ноты. Противоречивость общественного развития пока еще осознается неглубоко, в бытовой сфере, но, скажем, стихотворение «Песочные часы» уже претендует на постижение одной из вечных тем лирической поэзии.

А в стихотворении «Художник» Александр Яшин осмысливает проблему взаимоотношений искусства и действительности. Пусть он еще не находит оригинального поэтического ракурса этой, тоже вечной, проблемы, но сама попытка подойти к ней и верная материалистическая позиция молодого поэта говорят о возрастающем тоне духовной жизни. И где-то, пока еще смутно, зреет у Александра Яшина предчувствие грядущих испытаний и битв, к которым должен быть готов поэт.

Нет, не лишнее для певца —
Плечи грузчика, грудь бойца.
Хорошо с любой стороны,

Что такими мы рождены.
(«Ильде Сельвинскому»)

Вообще же творческое развитие Александра Яшина в эти годы шло довольно типичным путем. Выходец из деревни, связанный с нею теснейшими узами, поэт тематически почти целиком подчинил себя новой деревне, пылу ее социалистических преобразований. Эта тема найдет свое продолжение в конце сороковых годов, а пока ее прерывает огненная черта Великой Отечественной войны.

В ПЕРВЫЕ ЖЕ ДНИ ВОЙНЫ Александр Яшин вступает в члены Коммунистической партии и отправляется на Ленинградский фронт. Отныне муза его сменила облачение, но и здесь, на смертных рубежах войны, она не потеряла своего крестьянского обличья.

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.
(«Поле», 1941)

Солдатские стихи Александра Яшина, написанные в начальный период войны, в большинстве своем посвящены тяжелым будням фронтовой жизни, воспевают героизм пехотинцев, моряков, снайперов, пулеметчиков, стихи призывны, мобилизационны, полны гнева к врагам, посягнувшим на свободу советского народа и Отечество, полны мужества, решимости защищать страну от фашистского нашествия. Но и в этих стихах нет-нет да прозвучит тоска по мирному крестьянскому труду («Теперь бы нам поля дожинать...»).

С самого начала войны Александр Яшин активно печатается во фронтовых газетах. Уже в 1942 году в Военно-Морском издательстве выходит его книжка «Красная горка. Балтийские стихи», а через год, в том же издательстве — «Город гнева», с подзаголовком «Сталинградские эпизоды». Стихи, вошедшие во вторую книжку, писались на кораблях Волжской военной флотилии в августе-сентябре 1942 года, в первый период боев за Сталинград, и в октябре были напечатаны во фронтовой газете «Сталинградское знамя» и в «Сталинградской правде». В маленьком вступлении к книжке Александр Яшин высказал надежду, что «зарисовки, сделанные в ходе боев, сыграют свою роль как живое свидетельство великолепного мужества моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта».

Стихи из «Города гнева» напоминают репортажи с места боев. И, конечно, они публицистичны, зажигательны, содержат

обобщения широкого масштаба. Здесь рассказано о коллективном подвиге бойцов, о сталинградской девушке, проявившей героизм на переправе через Волгу, о снайпере, вымазавшем лицо известкой, чтобы лучше замаскироваться, о «городе гнева» Сталинграде, ставшем непреодолимою преградой на пути захватчиков. И вся книжка пронизана верой в силу, стойкость и мужество советского народа, в нашу победу над врагом.

Нельзя без волнения перечитывать сегодня эти маленькие книжечки из серой газетной бумаги, элементарно сброшюрованные, с непримирным и твердым лозунгом на верхней части обложки: «Смерть немецким оккупантам!» На одной из книжек, лежащих передо мною, рукой автора написано: «Библиотеке Литературного института ССРП. Александр Яшин». Даже на фронте, в пылу тяжелейших схваток с врагом, молодой поэт не забывал об институте, который помог его творческому становлению. А книжки эти — дорогая память тяжкой для родины военной поры, память о солдатском подвиге поэта Александра Яшина.

Фронтовая лирика Александра Яшина на втором этапе войны меняет свой характер. Она психологически усложняется, напряжение первых крупных неудач и отступлений, тяжелых потерь сменяется ощущением крепнущих сил и уверенности. Но по-прежнему живет в его стихах естественное, неискоренимое чувство «малой родины», крестьянская привязанность к земле и тоска по ней. И то, что война вынудила человека заниматься не свойственным, чуждым ему делом — убивать, но убивать ради того, чтобы защитить себя и своих детей, матерей и отцов, свой народ, свою землю от посягательств жестоких захватчиков, еще больше выявило его органическую сущность создателя, возделывающего землю трудом своим. Одного немудрящего степного цветка достаточно раненому воину, чтобы вспомнить детство, тепло родной земли и превозмочь боль и страдания и, словно окропленному живой водой, восстать к жизни, вновь ринуться в бой («Не дрогну я в сражениях с врагами, земли родной не выдам: не умру!»)

Советская Армия одерживает победы, каждый выигранный бой приближает конец войны и полную победу над врагом, это и определяет самочувствие солдата, характер его размышлений («После боя»). Недаром же он начинает замечать и красоты пейзажа, чего не было в стихах Яшина 1941—1942 годов, и неторопливо размышлять о жизни и смерти и радоваться тому, что «все живы, еще один выигран бой. И я живой». Во многих стихах звучит радость от встречи с освобожденной советской землей, радость победителя и истинного хозяина этой земли:

Земля моя,
 В гальках, в зеленых росах,
 Расправь свои плечи, живи, цвети!
 — Ты — наша.
 Мы снова с тобой — матросы,
 Да разве могли мы к тебе не прийти!
 («В Крыму»)

И вот наступил, наконец, долгожданный день Победы, и, «словно в первый день творенья, приняла зерно земля». Любопытно, что, отпраздновав победу, освободившись нравственно от гигантской тяжести войны, выразив весеннюю радость этого освобождения, Александр Яшин в последние годы не обращается к военной теме, в то время как поэты фронтового поколения, те, которые по сути дела начинали писать на фронте, остались верны этой теме до наших дней.

Крестьянский сын, Александр Яшин, по природе своей был мирным человеком, как, впрочем, и другие поэты фронтовой плеяды. Разница между ними та, что поэты фронтового поколения вошли в поэзию с ощущением войны, война была первой страницей их мужской биографии, первой и, может быть, главной, война была первым и притом величайшим потрясением, возжегшим огонь поэзии. Им невозможно было отрешиться от нравственного и эмоционального опыта военных лет, по крайней мере, в ближайшие годы.

Тема мирного труда и обновления земли уже с первых опытов естественно вошла в стихи Александра Яшина, так что в конце сороковых годов могло показаться, будто традиция не прерывалась. Пожалуй, это так и было. Война вошла в жизнь и в поэзию временным бедствием, за победным ее залпом солдаты видели не только мир, но и труд. В стихах Александра Яшина еще начального периода войны тоска хлебороба и строителя по своему главному делу ощущается постоянно.

ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ десятилетие не было самым удачным, самым благоприятным в творческом развитии Александра Яшина. Хотя внешне как раз все обстояло хорошо: поэт много писал и издавал, критика благоволила к нему, он не был обделен знаками высшего отличия в литературе.

«Алена Фомина» — самое крупное поэтическое произведение Александра Яшина — как раз не отличается глубоким проникновением в жизнь послевоенной колхозной деревни. Противоречия и конфликты, показанные поэтом, неглубоки, они не затрагивают наиболее существенных сторон развития деревни. Но и в этой поэме есть немало истинно поэтических строк. Они смыкаются с его лучшими лирическими стихами о природе, о человеке, связанном с землею и крестьянским трудом.

В послевоенной «деревенской» лирике Александра Яшина есть два-три стихотворения, обнаруживающие исторический под-

ход к социальной психологии человека, и лучшее среди них — «Свет в душе»:

Мой дед любил копить рубли,
 С печным горшком дружил.
 За шар земной
 Своей земли
 Вершка б не уступил.

Засел в домик свой, как в окоп:
 Росла бы в поле рожь,
 А там в округе хоть потоп —
 Его не прошибешь.

Психология собственничества находит в этом характере сильное конкретно-чувственное выражение. Поэт прибегает к гиперболе, приему, который в довоенной да и послевоенной лирике Яшина встречается редко и — главным образом — для усиления характеристических особенностей новизны, перемены в жизни и в людях. Создавая обобщенный характер, социальный тип, поэт гиперболически заостряет его определяющую черту.

Характеру деду противостоит тоже обобщенный лирический характер, «Я» («И я мужик, и мне земля родная дорога...»), но уже как носитель иной, противоположной социальной психологии («...я на шар земной гляжу, как на поля свои»).

Стихотворение «Свет в душе» дает основания считать, что в сороковых годах Яшин был удачливее, острее, «социальнее», когда выходил к широким историческим обобщениям в познании характеров. Но это касается сельской темы в его творчестве. Рядом с нею развивалась другая.

Новым поэтическим материком стала для Яшина тема крупных послевоенных новостроек. Тут несколько иначе, чем в «Алене Фоминной», проявился эпический дар поэта. Не связанный жанровыми рамками крупного произведения и — вместе с этим — необходимостью конфликтного сюжета, поэт останавливает внимание на отдельных человеческих типах. Многие его стихотворения тоже сюжетны, но не претендуют на конфликтность, в них запечатлены характеры строителей, молодых энтузиастов и старых опытных мастеров, людей высокого сознания и нравственного достоинства.

Если в цикле «Романтики», посвященном главным образом молодым строителям, перед нами проходят все же несколько облегченные картины труда и быта больших строек, то следующий, алтайский цикл, куда вошли стихи о целине и целинниках, более сдержан и сосредоточен. Целина не представляется поэту страной — этаким романтической мечты, где собрались самые бескорыстные и безгрешные молодые люди и с песнями ходят на работу. Он видит — на общем очень оптимистически выписанном фоне — и человеческие сорняки. Но главное, пожалуй, то, что в алтайских стихах — более широкий масштаб размышлений о жизни.

Каковы бы ни были сложности и противоречия в творчестве Александра Яшина этой поры, она не прошла для него бесследно, оставив свою долю в положительном балансе художественного развития. Сам поэт сурово оценивал некоторые творения послевоенных лет. Я помню, как жестко и самокритично он говорил об этом на поэтическом семинаре в Литинституте осенью 1967 года. Да и в стихах об этом сказано с неменьшей жесткостью:

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог,
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

(«Память»)

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА пятидесятых годов стала поворотной в творчестве Александра Яшина. Атмосфера общественного развития в этот период способствовала нравственному возвышению всего искусства, и, может быть, в первую очередь поэзии. Александр Яшин глубоко осознавал разлад между словом и делом в своей прошлой жизни и творчестве и горько переживал его, о чем свидетельствуют не только процитированные выше строки, но и другие стихи поэта.

Чрезвычайно характерно для тех лет, что Александр Яшин вновь обращается к образу В. И. Ленина. Два его стихотворения — «У кабинета Ильича» и «С годами...» (1956) — прежде всего говорят о поисках новых нравственных критериев личности. Первое стихотворение — эпизод, в котором дан один лишь штрих ленинского характера, но такой, который помнится в народе. Во втором же — прямое обобщение, где ленинский характер уже видится как идеал и прямо соотносится с моральным кодексом современника. Александру Яшину глубоко импонирует «вдохновенный труд и страсть в борьбе, и отзывчивость к чужому горю, и суровость к самому себе...». Отныне эти черты достаточно определенно проявятся в лирическом герое его стихов.

В новом обращении к Ленину (первые стихи о Ленине написаны в тридцатых годах, это хрестоматийное — «Пуговка») нашли отражение поиски идейных и нравственных ориентиров, по которым можно было бы сверять курс гигантского государственного корабля на крутом повороте истории. Такова была общая тенденция в поэзии пятидесятых годов. Верность ленинскому знамени и идеалам революции были для нее мерой оценки любых деяний большого и малого масштаба. (Я здесь говорю об общей тенденции, так как и в направлении поэтического развития, и в трак-

товке, в понимании принципов ленинизма были особенности разного свойства, в том числе и весьма субъективные, ошибочные).

Последние 10—15 лет явились временем расцвета лирического дарования Александра Яшина. Пристальный интерес к человеческой личности соединяется в его поэзии с пониманием глубинных процессов, происходящих в общественном сознании. Яшин и не мыслит свое существование иначе, как в непрерываемой цепи свершения добрых дел, и если чем озабочен более всего, так это тем, что многого еще не сумел свершить. Сознание упущенных возможностей подсказало ему страстный призыв: «Спешите делать добрые дела!».

Преодоление нравственного и, стало быть, творческого кризиса связано и с обновленным чувством Родины. Оно, это чувство, никогда не покидало Александра Яшина, — ни в годы всеобщего строительного энтузиазма тридцатых годов, ни тем более в годы великой битвы с фашизмом, но в момент тяжелой душевной депрессии оно оказалось чудодейственным лекарством.

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.
(«Земной поклон»)

У Александра Яшина есть стихи о родине, написанные с эпическим размахом. Но родная северная деревня Блудново, Бобришный угор возле нее, которому он посвятил книгу «Босиком по земле», рождают такое щемящее, непосредственное ощущение родины, ощущение того материального мира, с которого начинается родина, — как будто поэт только что открыл его для себя:

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства,
Не как-нибудь,
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба,—
Я тутощный,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

Родной Север, вологодские и архангельские леса, неширокая и незначительная Югрека вошли в стихи Александра Яшина как его первая любовь, первая и непреходящая. «Никакие парки Подмосковья не заменят мне моих лесов», — писал он. И еще: «Что кому, а для меня Россия — эти вот родимые места».

Нравственное возвышение яшинского героя, равно как и нравственное возвышение его поэзии, начинается с обновленного чувства Родины, которое рождается от встречи с нею уже немолодого и зрелого человека, много пережившего и испытывавшего, и с иным опытом, с иными ощущениями перешагивающего порог отчего дома. И отчий дом, и земля, где прошло детство, как бы вновь наполняют его жизненной силой для большого пути.

«Бродить по сырой земле босиком — это большое счастье!» — подытоживает свои новые ощущения Александр Яшин, а в другом стихотворении задумчиво говорит: «Мне просто необходимо босым по земле ходить...».

Неизбывно и целительно чувство Родины в русском поэте! Как только трудно и горько ему, так бежит в родные места, к своему деревенскому порогу, припадет к коленям старушки-матери, подышит воздухом степей и лесов, — и отойдет сердцем, и уже снова следаем нетерпением вмешаться в самую лихорадку жизни...

Вырвавшись на Бобринский угод, что в полчасе ходьбы от Блуднова, Александр Яшин уверенно заключает: «Жизнь моя, как сказанье, начинается снова». Стремление уединиться вызвано глубокой верой в целительную силу природы:

В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.
(«Не верю, что звери не говорят...»)

Вот это уже прямое продолжение и развитие темы нравственного обновления. И конечно же, здесь, в лесном уединении, все равно невозможно отрешиться от людских забот, ибо даже в доме под старой крышей сегодня нельзя не почувствовать, что «век не тот, не тот народ!».

В ряде стихотворений («Лирическое беспокойство», «В МТ») остро выражено ощущение покоя, желание перемен, желание чего-то большого, что всколыхнуло бы чувства, обожгло сердце, выскело искру творчества. В стихах Александра Яшина живет страсть и мысль человека совестливого, беспокойного, даже, как говорят на севере, — рискованного. Недаром же в них по контрасту с тихой задумчивостью вдруг прорывается жажда опасности, риска, небывалых ощущений:

До крика охота, до муки
Шагнуть с отвесной стены,
Чтобы, раскинув руки,
Проверить:
Сбываются ль сны.

Интересно посмотреть, как прочерчивает рельеф современной поэзии. С одной стороны, она обособливается на земле (именно в этом символическое значение

заголовка «Босиком по земле»), вбирая ощущение естества и плотности мира; с другой — уже чувствуя материальную основу бытия, — устремляется в гору, высь человеческого духа. Пусть этот рельеф пока обозначен пунктирно, но — обозначен! Дыхание поэзии становится свободнее, взгляд — острее. Даже о любви, наконец, поэты заговорили, приближаясь порою к той свободе и естественности чувства и непосредственности его выражения, которые были свойственны русской поэзии в ее лучшие времена. Ощущается новое пришествие любви в поэзию, такой любви, чтобы ждать от нее:

Может, прорежется новое зренье?
Может, как высшее просветленье,
И на меня снизойдет слепота?

Любовь яшинского героя — любовь зрелого и сильного человека. Но это и любовь необыкновенно трудная, сложенная такими эмоциональными контрастами, что, кажется, и представить себе трудно. В стихах о любви Александр Яшин предстал человеком тонко чувствующим, нервно отзывавшимся на все перипетии этого не подвластного рассудку чувства, открытым навстречу ему и до конца честным в самых критических его ситуациях.

Михаил Светлов однажды сказал о Яшине: «Его творчество напоминает мне хорошо натопленную печь, где с каждым годом все лучше и лучше выпекается пахучий хлеб советской поэзии». Последняя новая книга поэта «День творенья», вышедшая уже после его смерти, лишний раз подтверждает это несколько суховатое «все лучше и лучше». «День творенья» — лебединая песня Александра Яшина. Он собирал ее долго и тщательно, многие стихи после опубликования в периодике правил и уточнял.

Но это и самая трудная книга поэта, ведь многие ее стихи написаны в предоживании близкой кончины, когда все чувства обострены предельно:

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

(«Отходная»)

И опять-таки это «трудно» — не боязнь физических страданий, не страх перед небытием, а прежде всего горькое сожаление о несвершенных добрых делах, о том, что «несжатым клином жизнь лежит у ног», что из прожитого уже «никаких нельзя извлечь уроков...».

Исповедальные стихи из последней книги потрясают обнаженностью чувства, бесстрашной искренностью:

Выговорится дочиста —
Что на костер шагнуть.

Лишь бы из одиночества
выбиться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
— Годен! —
Запишут мне.

(«Перед исповедью»)

ОБЩИЙ ПАФОС стихов последних лет— пафос преодоления страдания и одиночества, победы жизни. Natura сильная и гордая, Александр Яшин мужественно перенес трагические потери близких, мужественно он переносил и свои болезни, выходил из этих испытаний умудренным новым опытом. Недаром же в стихах его появляется сквозной, настойчиво звучащий мотив доброты и внимания к людям, близким и неблизким, недаром и сам он ищет нравственную опору в хороших людях.

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх —
бывает все! —

я вспоминаю о хороших людях...
...и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется еще пожить на свете,
полюбоваться небом и землей.

(«О погожих днях и хороших людях»)

Жизнестойкий характер видится в стихах Александра Яшина, истинно русский, с северной, ломоносовской упрямкой. Житейские беды не только не сломили, но еще больше закалили его. От нравственного потрясения и полного одиночества, вызванных тяжелыми утратами, болезнью, до одержимости в бою,— таков диапазон чувств, таково богатство эмоциональной

жизни лирического героя в поэзии Александра Яшина.

Лирика Александра Яшина исполнена той глубокой жизненной силы и житейской мудрости, которые и от читателя требуют полного достатка того и другого, чтобы быть «на равных» с поэтом. Александр Яшин ведет лирический сюжет так, словно он беседует то ли с близким человеком, то ли наедине с собой, то ли в кругу друзей. Стихи его угловаты, порою даже прозаичны, но значительность содержания заставляет вас поверить, что только так об этом и можно сказать, как сказал поэт, и что это и есть поэзия.

Посредине минувшей войны Яшин писал: «Война все чувства наши обострила». И если раненый воин этим, кажется, до предела обостренным чувством тянется к родине, лесной своей стороне, вызывает в воображении живые, полные движения и красок картины мирной жизни, то умудренный опытом и немолодой уже поэт шестидесятих годов достигает высочайшей точки духовной мобилизации:

Книга жизни —
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней.
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва.
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

(«Последняя глава»)

Жаль, бесконечно жаль, что заключительная глава поэзии Александра Яшина оборвалась. Но осталась после него поэтическая «книга жизни», в которой воплотился жизненный и творческий подвиг поэта. Склоняясь над ее страницами, мы никогда не забудем об этом.

Главный редактор Д. ГУСАРОВ.

Редакционная коллегия: П. БОРИСКОВ, Р. ВЕЛИГИНА, В. ГУРА,
Н. ЖЕРНАКОВ, И. ИЗЪЮРОВ, О. ЛЕОНОВ, А. ЛИНЕВСКИЙ,
А. РОМАНОВ, Я. РУГОЕВ, М. ТАРАСОВ, А. ТИМОНЕН, Д. УШАКОВ.

Отв. секретарь В. ШИРОНИН.

Адрес редакции: г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 13. Телефоны: 2-47-36 (гл. редактор),
4-14-94 (отв. секретарь), 2-47-37 (отделы).